

УДК 81.342.4

ПРОБЛЕМА ЧУВСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА: ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ГЕРДЕРА

И.Н. НЕХАЕВА*Омский государственный уни-
верситет имени
Ф.М. Достоевского**e-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru*

В статье представлен критический анализ романтического взгляда на проблему чувственного происхождения языка. В ходе анализа подчеркивается несостоятельность попытки отождествления чувственного аспекта языка и искусства, поскольку чувственность как таковая не является формирующим обстоятельством сообразности языка и искусства, но лишь имманентно присущей им в отдельности естественной, начальной характеристикой.

Ключевые слова: чувственность; язык; искусство; звук; пение; поэзия; естественность; знаковая функция.

С самого начала следует отметить, что выстраивание аналитического пространства возможности осмысления области искусства в рамках современной установки искусствоведческого подхода представляется спорным, поскольку выбранная, и уже ставшая традицией, ориентация на языковую фабулу как основу исследовательского обращения к сфере искусства, становится уже не столько некоторой точкой зрения, сколько фундаментальной позицией всякого отношения к искусству, что, в результате, приводит не только к нивелированию живой мысли в данной области, но и делает любую иную точку зрения оппозиционной, – а это является той положительной «негативностью», которой следует воспользоваться для введения мнения, противоположного традиционному, формирующее представление об искусстве как о пространстве не-дискурсивной формы мышления.

Отсюда, существенным моментом установления языковой интенции в связи с анализом искусства является, казалось бы, общая, как для языка, так и для искусства, ситуация наличия *чувственности* и не только как функциональной основы человеческой природы в целом, но и, в том числе, как источника *происхождения* языка, а вместе с ним и искусства, якобы, в силу их тождественности. При этом следует отметить принципиальное отличие способности к языку в целом, к примеру, от возможности человека выражать эмоции, поскольку очевидно, что возникновение языка следует считать скорее *естественным* свойством человеческого *разума*, но не в плане языковой инстинктивности, а, наоборот, с учетом существования обратной зависимости между степенью совершенства инстинкта и развитием интеллектуальных способностей, сформулированной Ламетри в виде следующего универсального закона природы: «...чем больше животные выигрывают в отношении разумности <...>, тем больше теряют они в отношении инстинкта»¹. Действительно, данное положение неотъемлемо связано с демонстрацией естественного преимущества человека перед животными, так как человек получает «разумность» в качестве компенсации за слабость инстинкта и органов чувств, вместе с тем обретая свободу и возможность быть целью своего собственного развития. При этом совершенно очевидно, что язык является специфическим продуктом особой умственной организации человека, устроенной сообразно его способности свободно размышлять, созерцать, наблюдать, и, как следствие, сравнивать, выделять существенные свойства, а также отождествлять и именовать, что и указывает на язык именно как естественную способность человека. Вполне понятно, что причина возникновения особого интереса к *творческому* аспекту языкового употребления, появившегося совместно с обсуждением общей проблемы творчества в период романтизма, прежде всего, связана с сообразностью языка и искусства, их, якобы, *взаимной обусловленности* именно посредством и согласно общности такого свойства, как *естественность*. Таким образом, представленный контекст кристаллизует особый взгляд на язык как начальную форму искусства, и главным образом исходя из то-

¹ Ламетри Ж. Человек-машина // Сочинения. М.: Мысль, 1983. – С. 187.

го, что язык объявляется первичным материалом поэзии, иными словами возникновение языка как творческого акта непосредственно связывается с поэзией, и усиливается чрезвычайно смелым утверждением о том, что «...все, посредством чего внутреннее находит проявление во внешнем, может по праву называться языком»².

Следует отметить, что мысль о «естественности» как начальной характеристики, раскрывающей общую суть *единения языка и искусства*, была подхвачена немецким гуманистом Гердером, отстаивающим теорию происхождения языка, основанную на *чувственности* как естественной способности человека получать чувственные впечатления. Исходя из этого, момент языкового производства, к которому, по мнению Гердера, относятся все виды телесных ощущений и страстей, имеющих свое выражение непосредственно в криках или нечленораздельных звуках в процессе их *воздействия* на других существ, с естественной целью проявления себя вообще в качестве живого существа, преимущественно воплощается посредством того, чтобы не просто чувствовать нечто для себя, но и мочь *выражать* эти чувства, и выражать не только нечленораздельным криком, а именно *артикулированным* звуком, способствующим единообразию выражения, тем самым, как бы, делая его *понятным* для всех, при этом звук, являясь гибким и податливым материалом, оказывается наиболее простым, естественным и удобным в использовании. Действительно, согласно данному представлению, первоначально язык возникает именно как *язык чувств*, естественным образом реализующий то, что есть у человека в наличии, а именно – *чувственность*, по мнению Канта, являющуюся *начальной* ступенью обращения человека к миру³, и проявляющуюся наибольшей степенью многообразия своих оттенков именно в звуковом пространстве, поэтому как у человека, так и у животных, возможность наличия калейдоскопа чувств, находясь в непосредственной зависимости от строения нервной системы, выявляется именно посредством звуковых проявлений, – но не в «выражениях», к которым способен только человек, – и представляется в некотором роде «природным» языком, являющимся «родным» для каждого животного вида в отдельности, – подобно этому и точно также человек имеет свой собственный язык. Тем не менее, язык, как видится, не был создан для того, чтобы выразить все чувственные различия душевной выразительности, но «...должен был только звать нас к картине, которая говорит сама за себя, должен был звучать, но не изображать»⁴, отсюда, язык, прежде всего, направлен *связывать концы различных чувств*, и показывать точки их соприкосновения.

Однако Гердером подчеркивается, что звук как материал природной языковой естественности не является «главной нитью человеческой речи», или «языковым корнем», но лишь «соком», оживляющим эти корни. Наиболее адекватной поддержкой данного мнения следует считать точку зрения Боэция Дакийского, касающуюся изобретения грамматики, причиной возникновения которой явился процесс соединения вещи со звуком, при этом вещь становится сигнификатом⁵ звука, способы бытия – способами мышления, а способы мышления – способами обозначения звуком⁶. Вместе с тем, исследуя грамматику, Боэций Дакийский предполагает, что данная наука является словесной, од-

² Данное высказывание Шлегеля приводится Хомским в подтверждение мысли о первичном проявлении языка в форме поэзии. См.: Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. – С. 46.

³ С точки зрения Канта, знание имеет своим источником два аспекта души, первый из которых есть «...способность получать представления...», то есть восприимчивость к впечатлениям, формирующимся благодаря тому, что эта восприимчивость, подвергаясь внешнему воздействию, преобразуется в чувственность. См.: Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. – С. 70.

⁴ Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007. – С. 136.

⁵ Сигнификат (significatum) – обозначаемое.

⁶ «Некто является грамматиком в силу того, что обладает грамматикой. Но никто не мог обладать ею до ее возникновения. Потому тот, кто ее изобрел, не был грамматиком, но был философом, усердно рассматривавшим собственные природы вещей. Ибо способы обозначения, как сущностные, так и акцидентальные, как общие, так и особые, взяты от способов мышления, и различие между способами обозначения таково, каково различие между способами мышления от которых они взяты. Что же до способов мышления, то они взяты от собственных способов бытия вещей. Ведь иначе они были бы мышлениями разума, что не представляется вероятным. И каково различие между этими способами мышления, таким же необходимо должно быть [и различие] между способами бытия вещей, от которых они взяты. А способы бытия, перенятые от различных вещей, познаются из собственных природ вещей, которые сами по себе рассматриваются не грамматиком, но метафизиком». Боэций, Дакийский. Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 7.

нако, слово как звук относится к грамматике *акцидентально*, поскольку «...если бы было нечто иное, отличное от звука, что могло бы быть столь же подходящим знаком вещи или субъектом способов обозначения, каким является звук, то звук не рассматривался грамматиком. Следовательно, звук рассматривается грамматиком акцидентально». Соответственно, «...то, чем тот или иной знаток свободных искусств занимается акцидентально, не дает имени для его науки»⁷, отсюда, «...грамматика есть словесная наука, которая обучает надлежащему сочетанию слов с помощью собственных способов обозначения в речи, выраженной посредством звука»⁸. Таким образом, субъектом грамматики являются «...способы выражения подразумеваемого понятия⁹ ума посредством подходящего слова», поэтому звук необходимо рассматривать лишь постольку, поскольку он является «...знаком вещи и субъектом способов обозначения»¹⁰. В самом деле, звук в слове, будучи лишь знаком вещи, не выявляет всей сути, а это означает, что в данном контексте звук есть только *средство*, а не цель своего проявления, то есть звук, хотя и является чувственной материей, но, сам по себе занимая акцидентальное положение, не является тем основанием, в силу которого язык, в свою очередь, имеющий связь с данной звуковой материей, должен произрастать из чувственности. В этом смысле Соссюр, подчеркивая характерную роль языка в отношении мысли, отмечает, что данная роль не ограничивается лишь созданием «материального звукового средства для выражения идей», но заключается, прежде всего, в *посредничестве* между мышлением и звуком, и именно таким способом, что их соединение с неизбежностью ведет к «обоюдному разграничению единиц». К примеру, если представить, что в воздухе, соприкасающимся с поверхностью воды, произошла перемена атмосферного давления, повлекшая за собой наличие целого ряда делений, или волн, то такие волны и могут дать представление о связи, которая есть язык как «...совокупление мысли со звучащей материей»¹¹, другими словами, звук есть лишь гибкая материя, которая благодаря своей пластичности может служить *удобным* средством для образования языковой сферы.

К тому же, вместе с необходимой ролью естественности, язык, безусловно, является еще чем-то совсем *иным*, ведь все животные способны выражать свои ощущения в звуках, но никакое из них, даже самое совершенное, не имеет ни малейшего начала *человеческого языка в собственном смысле*, то есть исходя из подключения разума, и именно таким способом, согласно которому эти звуки будут использоваться в определенных целях – примером этому могут служить малые дети, выражающие в определенных звуках свои ощущения так, как это делают и животные, но при этом от взрослых людей они учатся совсем *иному* языку. Известно, что спецификой целостной организации мышления является наличие *рефлексии*¹², вся суть которой выражается в способности выделять и удерживать какую-то одну волну из всего океана ощущений, концентрируя внимание именно на ней, и осознавая это внимание, что является как раз тем действием, которое позволяет, созерцая неясные образы в восприятии, сосредоточиться и добровольно за-

⁷ «Некто является грамматиком в силу того, что обладает грамматикой. Но никто не мог обладать ею до ее возникновения. Потому тот, кто ее изобрел, не был грамматиком, но был философом, усердно рассматривавшим собственные природы вещей. Ибо способы обозначения, как сущностные, так и акцидентальные, как общие, так и особые, взяты от способов мышления, и различие между способами обозначения таково, каково различие между способами мышления от которых они взяты. Что же до способов мышления, то они взяты от собственных способов бытия вещей. Ведь иначе они были бы мышлениями разума, что не представляется вероятным. И каково различие между этими способами мышления, таким же необходимо должно быть [и различие] между способами бытия вещей, от которых они взяты. А способы бытия, перенятые от различных вещей, познаются из собственных природ вещей, которые сами по себе рассматриваются не грамматиком, но метафизиком». Боэций, Дакийский. Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 33.

⁸ Там же. – С. 35.

⁹ Подразумеваемое понятие (*conceptus intentum*) – понятие, которое говорящий намеревается выразить с помощью слова.

¹⁰ Там же. – С. 57.

¹¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006. – С. 112.

¹² Согласно Канту, рефлексия как таковая есть действие по различению «...той познавательной способности, к которой принадлежат данные понятия». При этом рефлексия не соприкасается с самими предметами, то есть не получает понятия непосредственно от них, но является таким «...состоянием души, в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия». Кант И. Указ. соч. – С. 196-197.

держаться на любом из них, тем самым подвергнув его ясному и спокойному наблюдению, что приводит к выделению предмета, подтверждающего данность именно этого предмета, а не какого-либо иного не только за счет процедуры узнавания всех особенностей этого предмета, но и признания одной или нескольких из них *отличительными особенностями*, а это, в свою очередь, означает рождение *отчетливого* понятия, которое является в своей основе первым суждением души. Следует отметить, что, хотя процесс осознания «естественности» как единой основы языка и искусства является бесспорным, тем не менее, способы, которыми это «естество» проявляется посредством данных феноменов, безусловно, различны, мало того, «естественность», хотя и является неким началом, отправной точкой, однако, совсем не есть условие окончательного оформления ни одного из этих феноменов. Так, в частности, начиная с момента признания за предметом в качестве особой *приметы* некоторой отличительной особенности, благодаря которой данный предмет, вовлекаясь в ситуацию ясного и отчетливого видения его только как «этого» предмета, – что обеспечивается за счет функции «определения», то есть, и, прежде всего, на основании того, что «...слова <...> необходимо должны что-либо означать, ибо определением будет <развернутое> понятие, знаком которого является слово»¹³, – возникает эвристическая ситуация переключения, поворота, или демонстрации того способа, исключительное соотношение с которым делает возможным осуществление, с одной стороны, перехода языкового пространства от своей первичной естественной чувственности к состоянию *собственно* человеческого языка; с другой стороны – трансформация чувственной языковой основы, представляющая собой необратимый процесс формирования человеческого языка как такового, обнаруживает ситуацию различия в способе подачи той части процесса организации, которая касается законосообразности языкового образования. Иными словами, преобразование чувственности посредством функции определения, процесса осознания «предметности» самой мысли, а также требования «значения» и «смысла», без сомнения, привело к совсем иному положению дел, так как к чувственной основе подключается уже *рациональная*, – поскольку, и это необходимо особо подчеркнуть, *только* «чувственность», хотя и акцентируется как толчковый момент языкового обнаружения, тем не менее, не является условием целостного языкового формирования, – которая, стремясь развивать языковую область, бесконечно реорганизуя ее, является таким способом проявления мышления, согласно которому мысль схватывается и проявляется особым, установленным лишь данным способом, образом. Соответственно, в процессе языкового становления, утратив чувственность как функцию «естественности» путем естественного же стремления к завершению языковой организации, область языка преобразуется в такое пространство, осуществление которого происходит согласно и только благодаря особому способу, каким в мышлении происходит запрос на языковую функцию, «определенность» которой уже совсем не то же самое, что «чувственность». К тому же, момент языкового превращения, подразумевающий переход от чувственности к собственно языку как таковому посредством рациональности, о котором говорит Гердер, прослеживается, главным образом, акцентируя тот момент, что ни строение рта человека, а в связи с ним и артикуляция, создает язык, «...ибо даже будучи весь век свой немой, человек, оставаясь человеком, мыслил, и язык тем самым покоился в его душе»¹⁴, в том числе и языковое соглашение как порождение общества не есть основополагающий факт возникновения языка, так как «...даже дикарь, одинокий дикарь, живущий в лесу, и тот должен был бы создать себе язык, даже если бы он и не говорил на нем никогда»¹⁵, что явно вступает в противоречие с сосюрровской позицией, ратифицирующей за преимущественно *социальный* компонент языковой организации, но сама работа языка по формированию той исключительно внутренней настроенности, лишь в согласии с которой язык становится – и в этом показано все его естество – подлинно *духовным* пространством¹⁶, и именно благодаря такому пониманию языка осуществляется особая связь мышления с

¹³ Аристотель. Метафизика // Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб.: Алетейя, 2002. – С. 140.

¹⁴ Гердер И.Г. Указ. соч. – С. 143.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Согласно Гердеру, «...язык явился результатом соглашения, которое душа его заключила сама с собою, и это соглашение было столь же неизбежно, как то, что человек был человеком». Гердер И.Г. Указ. соч. – С. 143.

самим собой в момент необходимости показывания той реальности, упорядоченность и организация которой становится возможной только сообразно с самим способом обращения мышления к самому себе, а этим способом и является язык.

В связи с этим, совершенно очевидно, что, если вполне естественным следует считать как раз то, что является в наибольшей степени *утонченным* по своему материалу, и, вместе с тем, более *удобным*, то именно *это* нечто и должно лежать в основе связи, которая соединяет языковую чувственность с мышлением, поэтому отличительные приметы, становясь элементами языка, сцепляют смутные и неотделимые друг от друга чувственные впечатления, с помощью слуха преобразуя их в систему отношений, которая в результате проявляется в виде некой деятельности по наречению именем всего того, с чем человек вступает в какие-либо отношения. Отсюда, участвуя во всех своих действиях, или противясь им, человек все представлял себе *по-человечески*, поэтому отпечаток человеческой сути проникает в любые действия по образованию первых имен, отражающих внутренние ощущения, руководимые любовью или ненавистью, покорностью или противоборством. Вполне понятной, поэтому, становится мысль о том, что «поэзия древнее прозы»¹⁷, имеющая своим истоком действие по «отражению» и «подражанию» звучащей природе, оживленной междометиями, рожденными из чувств человека, облеченных в звуки и образы действия страстей, раскрывающихся в живом творчестве, воплощенном в мифологии и поэтическом вымысле. Все выше сказанное, согласно Гердеру, влечет за собой следующий вывод: «*первым языком человеческого рода было пение*»¹⁸. Действительно, Гердер прав именно в том, что возникновение языка определялось в связи с появлением названия каждого существа по имени в соответствии с его языком, тем не менее, к этому он прибавляет еще такое свойство языка, как *изображение* посредством языка всех существ в рамках естественной гаммы человеческого голоса. На самом же деле все, что язык взял от пения, – если это действительно так, – является лишь моментом *удобства*, и именно в этом заключается одинаковость в «естественности» музыки и языка! Иными словами, утверждается приоритет общности звуковой основы как музыкального, так и языкового пространства как раз в связи с акцентированностью песенной основы в языках многих диких народов, что впоследствии, когда язык стал усовершенствованным и облагороженным, из него, якобы, «...произошли древнейшая поэзия и музыка...», а самое главное, что вызывает настороженность, так это то, что такого рода происхождение «...теперь уже доказано многими»¹⁹! Далее становится понятным наличие столь при-

¹⁷ В этом вопросе Гердер следует за Гаманном, который говорит: «Поэзия – <...> родной язык человеческого рода, подобно тому как садоводство древнее земледелия, живопись – письма, пение – декламации, притча – умозаключения, обмен – торговли. Глубоким сном был покой наших предков, и движение их – безумной пляской. Семь дней они сидели молча, удивляясь и созерцая, и открывали уста свои для крылатых слов». Жирмунский В.М. Жизнь и творчество И.Г. Гердера // Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007. – С. XIII.

¹⁸ Гердер И.Г. Указ. соч. – С. 148.

¹⁹ Конечно, особенно если учесть, что «доказать» в сфере искусства ничего невозможно, поскольку это ведь не область точных наук, и, кстати, вообще не наука... В связи с этим, в частности, особое недоумение вызывает факт отсутствия у искусствоведов своей собственной истории, или, точнее сказать, опыта рефлексии над своими действиями, что, в результате, привело к нивелированию всякой критической мысли, и именно это способствовало тому, что период «зависания» в «семиотической», «синтаксической» и бог только знает еще какой языковой «западне», постигший искусствознание давным-давно, а в настоящее время достигший своей предельной точки, да к тому же еще с добавлением потребности, принцип которой коротко можно обозначить выражением: «хочи много, а мочи – мало», поскольку в вопросах искусства представители искусствознания, касаясь вопросов «космического масштаба», таких, к примеру, как «что есть мышление?», «что есть язык?», «что такое знак, идея мысль..?», способны дать на них ответы «космической» же глупости, типа: идея есть то, что пришло в голову Моцарту, когда он писал письмо своему отцу Леопольду Моцарту, говоря о замысле очередной симфонии, который, якобы, раскрывается посредством символов, являющихся определенными знаковыми образованиями (притом, что «символ» и «знак» – это совсем разные вещи), и намекающими на то, что у Моцарта есть свой язык (в данном случае, понимаемый как код), и что именно расшифровка этого кода приведет все человечество к счастливой возможности понять гений Моцарта... и все в подобном роде. Оказывается, что все очень просто, не правда ли?! (ср.: «Не менее употребительным стало и выражение *musikalische Idee*, встречающееся в письмах Моцарта, в разговорных тетрадах Бетховена...»). См.: Арановский М.Г. Музыка и мышление // Музыка как форма интеллектуальной деятельности. М.: КомКнига, 2007. – С. 10.

стального внимания к чувственной основе, то есть звуковой стороне языка, ведь именно наличие чувственности свидетельствует о том, что момент возникновения языка – это исключительно единоличный акт, который организуется усилиями самого человеческого общества, и формируется сообразно тем связям, которые вкладываются лишь этим обществом, поэтому роль чувственного аспекта, вероятно, следует понимать только как естественный момент присутствия в природе человека способности восприятия, то есть как некий способ чувственной связи ощущений, а не как что-то отдельное и особо присущее для языка и музыки, то есть нечто, связывающее их субстанционально, а не акцентально²⁰.

Наконец, что действительно стоит акцентировать, говоря о чувственном происхождении языка, так это, безусловно, поиск ситуации перехода от смутного чувства к его *отчетливому* состоянию. Тем не менее, решая эту проблему, Гердер делает весьма «искусственные» выводы о языковой естественности, главным образом останавливаясь на так называемой «пифагорейской» позиции, основанной на том, что движущиеся предметы издают звук, и, далее, им производится неожиданный поворот в сторону принятия тождества слуховых и осязаемых ощущений, из чего возникает вывод: «...осязание же очень близко к слуху, и его обозначения, например «твердый», «грубый», «мягкий», «пушистый», «бархатистый», «волосатый», «жесткий», «гладкий», «ровный», «щетиный» и т. п., которые, как это мы видим, не проникают в глубину и относятся лишь к поверхности предметов, *издают как бы осязаемые звуки...*» [Гердер, 2007, с. 152], что приводит душу к потребности обозначить их словом, «...подсказанным соседним, родственным чувством». Таким образом, при всем том, что язык, как и любой иной чисто человеческий феномен, находясь в соответствии с природой человека, имеет чувственный аспект, тем не менее, и прежде всего, в связи со становлением языка как такового, необходимо говорить именно о *значащих* моментах образования языкового пространства, то есть тех, которые делают язык «человеческим» языком, а именно: о *знаковой* природе языка, сообразно с которой выявляется *соподчинительная* знаковая функция, то есть, беря во внимание гердеровскую позицию соотношения чувств между собой при рождении слова, за счет которого требуется выразить некое третье чувство, возникающее именно посредством «соседнего» с ним чувства, следует указать на фактическую действительность языка, иначе – на момент языкового рождения, обусловленный мгновением «знаковости», то есть, поскольку язык в своей действительности есть знаковая система, функционирующая согласно определенным правилам, а, в свою очередь, знаковая система основывается не на отношениях означающего и означаемого, что может служить основой символу, но для знака не является обязательным, так как знак основывается преимущественно на отношениях между означающими²¹, а поэтому, повторяю, аналогично моменту сравнения двух «соседних» чувств в образовании слова, о чем говорится у Гердера, для

²⁰ «Понятие "естественного" <...> не имеет никаких метафизических импликаций. Полезно перевернуть известную поговорку о привычке как второй натуре: то, что мы называем природой, поначалу могло быть всего лишь самой первой закрепившейся привычкой. В благоприятных условиях эта привычка могла сохраниться, чем и объясняется исключительная роль звука в истории человеческого языка». Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2008. – С. 21.

²¹ В этом смысле, к примеру, Бонфельд занимает ошибочную позицию, не только рассматривая в качестве допущения в музыке мысли о произведении в целом как языковом знаке, но и, главным образом, в утверждении важности для музыкальной области вопроса «...о связях означаемого/означающего в элементах музыкального текста <...> вот почему так важно понять, выделяет ли музыкальное произведение некие фрагменты (элементы), подобные словам естественного языка. Вне решения этого вопроса всякое утверждение, что музыка является языком, либо отрицание этого факта не может быть убедительным». Следует особо подчеркнуть, что «убедительным» в данном случае не будет ни наличие связи означаемого/означающего, поскольку, как отмечалось выше, для языковой «знаковости», и, прежде всего, исходя из того, что «...язык – это система знаков и правил их употребления», эта связь не является принципиальной, ни поиск любого рода языкового подобия в сфере музыкального искусства ни дадут сколько-нибудь существенного результата, да и вообще, по всей вероятности, ни к чему не приведут, так как любое искусство следует рассматривать из него самого, а не из какой-либо иной сферы, хотя, безусловно, весьма удобно отождествить искусство и язык, хотя бы для того, чтобы сделать всякое искусство понятным. См.: Бонфельд М.Ш. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности. М.: КомКнига, 2007. – С.82-141.

знака самым важным является «...какое место он занимает, какую роль играет по отношению к другим знакам, каким образом он систематически походит на них и отличается от них; любой знак существует благодаря своему окружению, а не благодаря своим корням»²².

Следовательно, «естественность», как и чувственность, хотя и является имманентным свойством языка в той же мере, что и искусства, однако, понимаемое в таком контексте положение языка и искусства не взаимообусловлены этой своей обоюдной имманентностью, поскольку «естественность» не имеет связующей или причинной природы в границах данных областей, и тем более не является формирующим обстоятельством разнообразия языка и искусства, но лишь имманентно присущей отдельной, начальной характеристикой как языка, так и искусства. В частности, относительно языка, следует, скорее, говорить о естественном *порядке*, а не о «естестве» в смысле чувственности, тем самым придавая большую значимость рациональности, как способу, только с учетом которого язык способен, действительно, свершиться как язык, поскольку звук, который и является главной побуждающей причиной для придания языку некоторого чувственного, а в связи с этим и естественного начала, согласно Гердеру, конечно, порождает некое новое соответствие, а именно: звук, как сложное акустико-вокальное единство, соединяясь с понятием, ведет к сложному физико-мыслительному образованию, представляющему собой замкнутое целое, базовую лабораторию для классификации, способную вносить обязательную для данной определенной области упорядоченность, которая иначе разграничена быть не может²³, но в этом контексте, как было уже отмечено, звуковая основа языка, как, впрочем, и музыкального искусства, играет лишь акцентальную роль, а не субстанциональную, в смысле обладания всеобщей и необходимой значимостью.

Список литературы

1. Ламетри Ж. Человек-машина // Сочинения / пер. с фр. Э.А. Гроссман, В.Левицкий. М.: Мысль, 1983.
2. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
3. Кант И. Критика чистого разума: пер с нем. Н.О. Лосский. М.: Мысль, 1994. – 591 с.
4. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка: пер. с нем. Г.Ю. Бергельсона. М.: ЛКИ, 2007. – 158 с.
5. Бозций Дакийский. Сочинения: пер. с лат. А.В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2001. – 312 с.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: пер с фр. А.М. Сухотина. М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
7. Аристотель. Метафизика // Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. С.И. Еремеев. СПб.: Алетейя, 2002.
8. Жирмунский В.М. Жизнь и творчество И.Г. Гердера // Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007.
9. Арановский М.Г. Музыка и мышление // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / сост. М.Г. Арановский. М.: КомКнига, 2007.
10. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. Б.П. Нарумова. М.: Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
11. Бонфельд М.Ш. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / сост. М.Г. Арановский. М.: КомКнига, 2007.
12. Барт Р. Система Моды: пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003. – 512 с.

PROBLEM OF A SENSUAL ORIGIN OF LANGUAGE: VARIATIONS ON THEME OF HERDER

I.N. NEKHAEVA

*Omsk state university by name
of F.M. Dostoevsky*

e-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

In article the critical analysis of a romantic sight at a problem of a sensual origin of language is submitted. The inconsistency of attempt of an identification of sensual aspect of language and art as sensuality is not forming circumstance of conformity of language and art is emphasized, but is only immanent inherent in them separately the natural, initial characteristic.

Key words: language; art; sound; singing; poetry; naturalness; sign function.

²² Барт Р. Система Моды. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003. – С. 61.

²³ Соссюр Ф. де. Указ. соч. – С. 35.